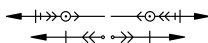
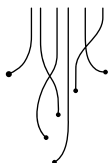

Купава
ОГИНСКАЯ

ЕЕ ЧУДОВИЩЕ

МОСКВА
2022

Глава 1

О ГУРМАНАХ И ОШИБКАХ

Первой моей ошибкой было то, что я вообще пошла на день рождения. Не хотела ведь, но найти достойную причину не идти не смогла: сложно отказать подруге детства, даже если в последний раз мы с ней общались полгода назад.

Второй — что поддалась на уговоры именинницы и засиделась допоздна.

Третьей и самой непоправимой ошибкой оказался необдуманный порыв подойти к подозрительному незнакомцу...

Глухая полночь, волчий час, когда луна особенно ярко горит на темном небе, безлюдные улицы и хорошо одетый мужчина, бредущий впереди.

Он едва шел, его шатало и вело то в одну, то в другую сторону, а я пыталась подавить неуместный порыв подойти и убедиться, что он просто пьян. Что это не какое-нибудь ранение вместе с кровью вытягивает из него силу и все на самом деле хорошо.

Мама всегда говорила, что моя привычка лезть ко всем со своей помощью добром не обернется. Мама была права.

— Простите, с вами все в порядке? — Догнала я его быстро, лишь вблизи осознав, какой он высокий.

В неверном лунном свете издалека сгорбленная фигура казалась совсем не опасной. Обессиленной. Стоило же подойти, коснуться широкого, беспомощно опущенного плеча, почувствовать, как под ладонью каменеют мышцы, и идея лезть к постороннему мужику со своей заботой тут же показалась мне очень глупой. Здравый смысл, как всегда, проснулся слишком поздно...

Незнакомец вздрогнул, замер не дыша. Напрягся.

Плохая, очень-очень плохая реакция на такой совершенно обычный вопрос.

— А ты хочешь мне помочь? — не оборачиваясь, поинтересовался он глухим низким голосом, вызывая безотчетное желание отдернуть руку, развернуться и бежать куда глаза глядят.

И я отступила, с ужасом ощущая, как предостерегающе теплеет колечко-оберег в ответ на пронизывающий насквозь недобрый вопрос:

— Желаешь проявить доброту?

Он обернулся резко, порывисто, заставляя отшатнуться, зажимая рот ладошкой. Разогревшаяся кольцо обжигало губы, но это сейчас было не важно.

Потому что передо мной стоял он. Тот, кем пугают детей, к кому посылают в сердцах и от кого исправно откупаются кровью.

Каждый год, в одну и ту же ночь осеннего равноденствия, когда ночь только готовится рас-

тянуться на долгие двенадцать часов, а свет еще равен тьме, каждый человек, почитающий заветы предков, обмазывает дверной косяк входной двери кровью. Куриной, овечьей или бычьей. Любой.

Главное, чтобы она была еще теплой, совсем недавно выпущенной из жил. Живой.

Ночь Илхайм, ночь почитания Полуночного Барона, прошла три дня назад. Кровь на дверных косяках была еще совсем свежей, не впитавшейся полностью, не ставшей темными разводами на растрескавшемся дереве как напоминание о принесенных жертвах.

Три дня назад в домах всю ночь не горел свет, а жители города, как один, скрывались в своих постелях, в нетерпении ожидая наступления утра. Ровно три ночи назад Барон прошел по земле.

И что он делал сейчас здесь, в небольшом городе на самой границе? Атар-эль ничем не выделялся среди прочих городов.

Так почему в эту ясную звездную ночь Барон оказался именно здесь, именно в этот час, именно на этой улице? На моем пути.

— Теплая, — резко сменив тон, с неожиданной нежностью протянул он, принюхиваясь. — Живая.

Лицо его, бледное и изможденное, с заострившимися высокими скулами и посеревшимися от боли впалыми щеками, вдруг оказалось совсем близко, а в глазах белым светом разгорался суженный до предела зрачок.

— Красивая.

Я отпрянула совершенно произвольно. Просто очень хотелось, чтобы горячее дыхание, в котором почему-то отчетливо чувствовался запах дыма, не касалось моего лица.

— Куда же ты?

Рука, ухватившая меня за запястье, была холодной, и пальцы — длинные, сильные, совершенно ледяные — чуть подрагивали.

Возможно, именно этот намек на его слабость дал мне силы сопротивляться, и пнула Барона я с мстительным удовольствием, в которое мутировали отголоски моего страха.

Он вздрогнул, дернулся, но пальцы не разжал и на свободу меня не выпустил, со странной предвкушающей улыбкой прошептал:

— Дерзкая.

Дальше произошло что-то совсем уж невероятное и совершенно абсурдное.

Полуночный Барон дернул меня на себя, больно сжал подбородок пальцами, заставляя запрокинуть лицо, и накрыл мой рот губами.

Ошалев от происходящего, я с опозданием осознала, что он ко мне не целоваться полез, что чужие губы, сухие и жесткие, сейчас терзают мои просто потому, что так проще пить жизненную силу.

Что руки, крепко удерживающие меня на месте и полностью пресекающие все попытки вырваться, теплеют оттого, что холодею я. Он жадно вытягивал из меня жизнь, медленно подбিরаясь к самому главному, и от осознания этого хотелось кричать.

Когда два дня назад женщина в торговом ряду пожелала мне в сердцах быть Полуночником поцелованной, я и предположить не могла, что ее пожелание сбудется.

Но вот она я, готовлюсь расстаться с жизнью в руках страха и ужаса.

И это было так несправедливо...

Укусила его я совершенно случайно, просто от бессильной злости цапнула и очень удивилась, когда Барон не попытался меня придушить, а отстранился, тихо смеясь.

— Пожалуй, ты права, — беззлобно проговорил он, почти сытый и оттого подобревший. — С меня на сегодня хватит.

Прижатая к вернувшему мощь телу, я смиренно снесла быстрый, совершенно невероятный поцелуй, не имеющий ничего общего с недавним питанием... мной, и последовавшее сразу за поцелуем осторожное прикосновение теплых губ ко лбу:

— Что ж, душа моя, мне пора идти, нужно закончить кое-какие дела, раз уж у меня так удачно появились на это силы.

Я заторможенно кивнула, полностью с ним согласная. Нужно идти, раз уж есть возможность. Совершенно точно нужно идти.

А меня стоит оставить здесь и больше никогда обо мне не вспоминать. Я свято верила, что лучше быть недоеденной, чем мертвой.

— Не прощаюсь, — пробормотал он, нежно заправив мне за ухо волосы.

— Давайте лучше распрощаемся, — шалея от собственной смелости, прошептала я, чем вызвала добродушный смешок.

— Нет, моя сладкая, нас с тобой ждет очень много встреч. — Еще одно прикосновение губ ко лбу, и меня обнадежили безысходным: — Обещаю, буду давать тебе достаточно времени на восстановление.

И он рассеялся в лунном сиянии, оставив меня одну медленно оседать на каменную мостовую.

Сидела я так довольно долго, ощущая тепло чужих рук и безуспешно пытаясь осмыслить одну простую, но совершенно ужасную мысль: мной собирался питаться один из Высших. В смысле, не просто съесть и труп выбросить, а прямо питаться. Долго.

* * *

Нормальный человек, которого из меня и хотели вырастить родители, в такой ситуации не раздумывая бросился бы в храм просить защиты у Многоликого, благо двери храма открыты всегда.

Но я была не совсем нормальной и вместо того, чтобы нестись сломя голову и рассыпать перед алтарем монеты на радость жрецам, медленно побрела домой. Пребывая в вязком, сонном состоянии, отчаянно не веря в произошедшее, я заперла двери и активировала защитный контур, призванный охранять не только мага-

зинчик, расположенный на первом этаже, но и жилые комнаты второго.

И уже дома, с трудом дождавшись утра, я выгребла большую часть своих сбережений, безжалостно давая жадность, и отправилась в нижние кварталы.

Как и всякий ненормальный человек, защиту я собиралась просить не у высших сил, а у сильной ведьмы с поганым характером.

Ведьм в наших землях не то чтобы боялись, их недолюбливали и опасались и запрещали им селиться в центре и вблизи храмов Многоликого. Последнее было исключительно требованием жрецов: не могли они ужиться с представительницами старой веры, что отказывались признавать их бога, продолжали поклоняться природе и чтить луну.

К одной из таких упрямых и притесняемых я и спешила ранним утром, петляя по узким улочкам, утопающим в утреннем прозрачном тумане.

Извозчики не любили ездить в нижние кварталы и плату брали двойную (а по вечерам и тройную) за какие-то десять минут дикой тряски. А я не любила тратиться, потому на дорогу до домика почтенной Улисы потратила чуть больше двадцати минут и ни одной монеты. Вопреки слухам, нижние кварталы были едва ли не самым безопасным местом в нашем городе: ведьмы хорошо следили за порядком на своей территории, потому ходить здесь можно было совершенно безбоязненно.

Длинная улица с характерным названием Копченый Котел упиралась в площадь Трех Дождей. На площадь я спешила мимо аккуратненьких светлых домиков, спрятанных за высокими заборами, старательно оплетенными цветами.

Тихое уютное место...

Улиса была сильной ведьмой, одной из верховных, составлявших ведьмин круг, и потому жила в одном из шести домов, расположенных на площади. В центральном, выделяющемся среди остальных белокаменных зданий серой кладкой высоких стен и темными провалами больших окон, не украшенных воздушными шторками.

Я не успела даже взяться за увесистый молот в виде птичьей головы, чтобы сообщить о своем приходе, как дверь распахнулась, а на пороге, подперев крутое бедро кулачком, во весь свой скромный рост встала рыжая девица в простом синем платье.

Когда люди говорят о сильной злой ведьме, то почему-то всегда представляют себе сгорбленную тощую старуху с крючковатым носом и неизменной бородавкой и очень удивляются, увидев молодую, полнокровную и весьма симпатичную девицу.

— Ну, заходи, — велела Улиса неожиданным для своего вида сильным грудным голосом. — Расскажи, что за беда тебя ко мне привела.

Неприятности она чувствовала просто мастерски, что, собственно, и стало причиной нашего знакомства.

Два года назад хозяйка магазинчика, который теперь был моим, чуть не разорилась. Улиса, как и всякая уважающая себя ведьма, попыталась выкупить удачно располагающееся здание (не центр, но не очень далеко от него; храмов опять же поблизости нет, и до нижних кварталов рукой подать), чтобы сделать из него свой магический магазинчик. Вот только если люди просто опасаются иметь дела с ведьмами и стараются не продавать им недвижимость или что-то ценнее булки хлеба, то я имела дурость Улисе надерзить. Глупая была, молодая, с ведьмами до этого дел не имела.

Вопреки ожиданиям, кара меня не настигла. Напротив, продажи после того случая у нас пошли в гору, но хозяйка, крайне суеверная дама Митри Алес, не смогла и дальше вести дела и уехала из города, позволив мне выкупить ее дело.

Так диковатая, но неприлично самонадеянная деревенская девчонка и стала обладательницей целого магазина... и внушительного кредита в местном банке.

Но это, пожалуй, было еще не самым удивительным; куда как невероятнее оказалось то, что спустя две недели после заключения договора и смены моего статуса с просто работницы на хозяйку магазина Улиса заглянула на чай.

Как тогда выяснилось, безмозглые девчонки с отвратительным характером были ей очень по душе. Чаепитие наше ожидаемо закончилось очередной ссорой, которой я лишь утвердила

ведьму во мнении, что с головой у меня конкретные проблемы, а инстинкт самосохранения отсох еще в детстве.

С тех пор я успела поумнеть, чуть не потерять свое дело, научиться вести счета и платить в срок. Слегка заматерела, но дурусти своей не потеряла, а потому продолжала общаться с Улисой не скрываясь.

Горожан это поражало, но от магазина моего не отвращало, чего я боялась сначала. А сплетни... сплетни меня не особо волновали.

В светлой гостиной ведьминского дома пахло свежей выпечкой, а от больших глиняных кружек (Улиса не признавала фарфор и несерьезность тонкостенного сервиза) шел ароматный пар. И мне, расслабившейся в мягком кресле, казалось, что случившееся ночью — всего лишь страшный сон. Если бы не синяки на запястье — напоминание о том, как крепко меня держали, безжалостно выпивая жизнь, — я бы, может, и позволила себе обмануться...

— Рассказывай, — повелела ведьма, пододвигая ко мне блюдо со сдобными вертушками.

— Мне защита нужна, самая сильная, какую ты только можешь сплести.

Признание мое ее очень удивило:

— Сильная? Сильнее той, что я на твой магазин наложила?

— Да! Нет. Не знаю, — стушевалась я. — Наверное. Только ее на меня наложить надо.

— Зачем?

— Ты не поверишь...

Эпический рассказ о встрече с организатором моего будущего некролога в нашей славной местной газете она выслушала спокойно, под конец рассудительно заметив:

— Радуйся, что не убил.

Я честно попыталась радоваться, но воспоминание о том, что Барон обещал еще заглянуть в гости, делало мою радость неискренней. Улиса это заметила и попыталась подойти к проблеме с другой стороны:

— Но не на Сумеречного же ты наткнулась, в конце концов. Ходят слухи, что этот Высший свихнулся и начал таскать в свой лес человеческих женщин. А какая женщина сумеет выжить в Сумеречной зоне? Пока страдают жители резервации светлых, но и до нашего острова беда может добраться.

— И откуда ты это знаешь?

— Я же ведьма, — беспечно пожала плечами она, будто это все объясняло. — Защиту я тебе сплелу, но ничего не обещаю. Моих сил едва ли хватит, чтобы оградить тебя от Барона.

Говорила она искренне, и от ее искренности у меня все внутри сжималось. Самоуверенная Улиса сомневалась, что сможет что-нибудь противопоставить Высшему... Та самая ведьма, что не побоялась на торговой площади сцепиться с когортой жрецов!

— Совсем ничего сделать нельзя? — тихо спросила я.

— Ну зачем же сразу бледнеть? Мы попробуем.

— А если не получится?

— Попробуем еще раз... что-нибудь другое. О чем ты переживаешь? Он же обещал тебе время на восстановление. Значит, убивать пока не будет. — Она фыркнула. — Я бы на твоём месте радовалась. Если уж сам Высший в тебе что-то разглядел, значит, ты и вправду не простая деревенская выскочка, а что-то большее...

Улиса повела рукой в воздухе, подбирая слова. Я ждала, прекрасно понимая, что сейчас, скорее всего, услышу гадость: делать комплименты она катастрофически не умела.

— Теперь ты стала питательной средой Высшего, есть чем гордиться.

Меня невольно передернуло.

— Ведьма ты, Улиса.

— А то я не знала. — Откинувшись на спинку кресла, она с нескрываемым интересом спросила: — Скажи, а целуется-то Барон как?

— Мне откуда знать? — растерялась я. То, что произошло ночью, поцелуем назвать было сложно. — Меня вообще-то ели.

— Ели, — легко согласилась она, — но для этого не душили, чтобы жизнь выходила быстрее, и не держали просто за руку. Он тебя поцеловал. Так что каково это?

— Страшно. Я, если ты вдруг не в курсе, чувствовала, как мою жизнь воруют.

— А опасности ты не почувствовала, когда на пустой улице увидела человека в черном?

И вроде сказано это было беззлобно, но я все равно смутилась и пристыженно замолчала.

Это можно было считать самой фееричной глупостью в моей жизни.

В наших землях черный цвет носили лишь Барон и офицеры городской стражи. Но у последних черный цвет был разбавлен белой отделкой воротничков, манжет и погон.

В остальном же самым темным цветом в одежде считался темно-серый.

Но как бы я смогла отличить в темноте темно-серый от черного?

Улиса была неумолима и упрямо считала, что должна была...

— Если, конечно, у тебя есть желание жить долго и по возможности счастливо, — с намеком закончила она, — в чем я, конечно, сомневаюсь.

Несмотря ни на что, ведьмовскую защиту Улиса сплела для меня мастерски, прикрепив ее к моему обережному колечку, которое я никогда не снимала.

— Так будет надежнее, — решила ведьма, любясь результатом своего двухчасового труда.

Прислушавшись к себе, я была вынуждена признать, что никаких изменений не заметила. Разве что на душе стало спокойнее.

В порыве чувств я сжала ее ладошку в своих руках:

— Я тебе так благодарна. Ты даже не представляешь как! И я бы с удовольствием в подробностях описала тебе уровень моей признательности, но...

— Пора открывать магазин, — со смешком перебила меня она. — Иди. А я, так уж и быть,

в награду оставляю себе память об этом утре и нашей редкой встрече, не закончившейся скандалом.

Конечно, «скандал» — сильно сказано, наши мелкие ссоры недотягивали до столь грандиозного определения, но я была слишком счастлива, чтобы спорить. Даже не стала уточнять, что кроме воспоминаний ей также остались восемь эссов — круглые блестящие монетки лежали на столе, лоя золотыми боками первые солнечные лучи. Ведьминская защита всегда была дорогим удовольствием, в основном потому, что ведьмы давали пожизненную гарантию, а в случае чего латали свои плетения бесплатно.

Я слишком сильно опаздывала, чтобы позволить себе задержаться в гостях дольше.

Меня ждал мой аптекарский магазинчик, неразобранные травы, неразлитые настои и вечная вера в то, что когда-нибудь я смогу позволить себе нанять работницу.

День прошел на удивление мирно и прибыльно, словно компенсация нервной ночи.

Хотя вечером, закрывая магазин, я всерьез рассматривала вариант напроситься переночевать к кому-нибудь из подруг. Остаться одной в доме после предыдущего ночного знакомства совсем не хотелось. Но несомненная необходимость объяснить свое внезапное вторжение... нежелание это делать было сильнее страха. И я никуда не пошла.

Заперлась на втором этаже, положила рядом с собой на подушку сковороду (первое, что мне